

Предисловие редакторов-составителей

Редакторская заметка / Note

Репетиции эксполярной социологии заботы

ИРИНА В. ДУДЕНКОВА

РАНХиГС; Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0000-1763-1843>

МАКСИМ Д. МАЛЬКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономи-
ки», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>

Рекомендация для цитирования:
Дуденкова И. В., Мальков М. Д. (2026)
Репетиции эксполярной социологии
заботы. *Социология власти*, 38 (1): 8-23
EDN: AMVEXQ

For citation:
Dudenkova I. V., Malkov M. D. (2026)
Rehearsals for an Expolar Sociology of
Care. *Sociology of Power*, 38 (1): 8-23

Поступила в редакцию: 04.02.2026;
принята в печать: 16.02.2026
Received: 04.02.2025; Accepted:
16.02.2026

© Authors, 2026
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Режиссер Александр Ключе в беседах с драматургом Хайнером Мюллером говорит: «Несчастье состоит в том, что варварство будет вечно повторяться, если оно уже однажды случилось» (Ключе, Мюллер 2024, с. 89). Пронизанность повседневности, науки и искусства пессимизмом, обреченностью и зыбким ощущением невозможности изменений — общее место в разговорах и теоретических дебатах. Антрополог Джоэл Роббинс описывает эту ситуацию в науке как доминирование эпистемологического «слота» *страдающего субъекта* (suffering subject): «Субъект, живущий в боли, бедности, в условиях насилия или угнетения, сегодня очень часто оказывается в центре антропологической работы» (Robbins 2013, р. 448). Возникает императив поиска универсалии — и этой универсалией становится всеобщее страдание и травма, вне зависимости от того, кого и где мы исследуем. Доминирование слота «страдающего субъекта» может объясняться по-разному.

Шерри Ортнер называет одной из причин популярности в социальных и гуманитарных науках марксистских и фукольдианских теорий, в рамках которых предлагается «смотреть на мир почти исключительно в терминах власти, эксплуатации и хронического всепроникающего неравенства» (Ортнер 2022, с. 8). Проще говоря, фокусируясь на поиске страдания, травмы и неравенства, исследователи их и обнаружат. Роббинс предлагает решение: заменить эпистемологический слот страдающего субъекта на новый, двигаясь к «антропологии блага»: изучать не боль и страдание, а «ценности, мораль, благополучие, воображение, эмпатию, заботу, дар, надежду, время и перемены» (Robbins 2013, p. 448). Он считает, что смещение внимания к «благу» политически и этически вернее и позволит отойти от нарративов, в которых другие сообщества описываются как страдающие. Однако такое смещение к «благу» оставляет без внимания само существование *эпистемологического слота*, просто предлагая заменить его на что-то другое, а не проблематизировать само его наличие или условия возможности.

Что происходит, когда внимание смещается к заботе? Можно заметить, что дискуссии ведутся на трех уровнях, на каждом из которых есть два полюса, на одном из них и размещается забота. На уровне здравого смысла забота трактуется как особый вид труда по уходу, помощи и поддержке — мы называем заботой деятельность, которая направлена на выстраивание эмоциональных и физических связей между людьми. Это слово становится маркером чего-то благого, безусловно правильного и того, к чему нужно стремиться. Если вы прогуляетесь по центру Москвы, слово «забота» неоднократно встретится вам в названиях благотворительных клиник, парикмахерских, салонов, социальных проектов, зоомагазинов и стоматологий. Все хотят о нас позаботиться. На этом уровне забота противопоставляется незаинтересованности, жестокости, холодности, невовлеченности.

На уровне теоретических дискуссий в социологии и антропологии уже заметно смещение к новому эпистемологическому слоту, о котором пишет Роббинс. Количество работ, где используется концепт «заботы», растет, однако само понятие признается проблематичным (Thomas 1993). С помощью этого концепта исследуется гендерно-специфичная неоплачиваемая работа, этическое измерение практик помощи людям в уязвимом положении, эмоциональные особенности труда, практические логики взаимодействия в различных институциональных контекстах (Graham 1991; Tronto 1993, Ungerson 1995; England 2005; Held 2006; Mol 2008; Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2019). Знаковый текст, без которого не обходится разговор о заботе, — это книга Аннмари Мол «Логика заботы», вышедшая в 2008 году, многие идеи которой были развиты в ее более

поздней книге «Eating in theory» (2022). Мол предлагает различать две логики (или способа) взаимодействия с болезнью: логику выбора, где ответственность за все решения в процессе лечения возлагается на самого пациента, и логику заботы, в рамках которой ответственность за решения распределяется между человеческими и нечеловеческими акторами, а отношение между ними имеет особую нелинейную форму. Пациент в логике выбора — рациональный индивид, способный к самостоятельному принятию решений. Логика выбора воплощается в лозунге «Выбери здоровый образ жизни». Мол указывает на парадокс: в логике выбора пациентов призывают к тому, чтобы делать выбор — отсюда следует, что не все на это готовы. Это призыв не оставаться пассивным, решиться на действие. Однако когда что-то идет не так, например, человеку становится хуже от сделанного выбора (принимать новое лекарство, начать заниматься спортом, отказаться от употребления какой-то еды), в этой же логике возникает новое допущение: людям предлагают сделать правильный выбор — а это значит, что все люди всегда совершают какой-то выбор, но могут делать это неверно (Mol 2008, p. 71). Эта парадоксальная логика выбора, по мнению Мол, заточена на поиск виновных и минимизацию неопределенности, которая неизбежно присутствует не только в процессе жизни с болезнью, но и в любой жизни. Мол противопоставляет логике выбора логику заботы. В ней акцент делается на непрерывный процесс взаимодействия, сонстройку под нужды и желания друг друга (пациента и врача; пациентов между собой; родственников и пациентов и т. д.), а главным допущением становится всеми разделяемое ощущение хрупкости жизни. В этой логике ключевым становится не вопрос «кто виноват?», а вопрос «что делать дальше?» (Ibid., p. 80). Доминирующим объектом исследования Мол и ее коллег (Mol et al. 2010) становится *болезнь* и различные способы и стратегии выстраивания достойной жизни с болезнью. Рецепция и обсуждение ее идей в российской академии тоже разворачивается в контексте исследований медицины (Темкина 2016; Бороздина 2017; Ожиганова и др. 2018; Лехциер 2019). Изучаются, например, типы коммуникаций между врачом и пациентом (Старцев, Рождественская 2022), опыт акушерского ухода (Бороздина 2016) и платного родовспоможения (Темкина 2016). На этом уровне забота противопоставляется выбору, автономии, иерархии, линейности, маскулинности и эгоистичности.

На уровне социальной политики нас призывают к «универсальной заботе», которая должна воплощаться «не только в домашней сфере, но и во всех сферах: от наших групп родства и сообществ до наших государств и планеты» (Chatzidakis et al. 2020, pp. 21-22). В условиях капитализма забота неизбежно «маркетизируется», втягиваясь в логику рынка и перераспределения капиталов, экономи-

ческих, культурных и символических: «Организации-доноры дают деньги и получают символическую выгоду от оказанной помощи. Агентства по оказанию помощи получают деньги и символическую выгоду от оказанной помощи. Бенефициары, даже те, кто ничего не получает, служат источником авторитета для тех, кто помогает» (Kгаусе 2014, р. 60). Исследователи отмечают, что НКО по всему миру существуют в условиях нехватки финансирования, борьбы за гранты и негативного общественного отношения к их деятельности, а в их работе доминирует проектная логика, в которой прежде всего нужно убедить финансовых доноров в целесообразности того или иного проекта или программы помощи (Kгаусе 2014; Холявин 2020; Ярская-Смирнова, Бодрова 2021). Сфера заботы сталкивается с экономическими и бюрократическими механизмами, которые блокируют ее эмансипаторный потенциал и интегрируют в свои структуры, вычищая всю ее протестную силу. Забота на этом уровне противопоставляется консервативности, конформизму, реакционности, менеджериализму.

С другой стороны, сложилась большая традиция критики теорий заботы, восходящая к критике биополитики Фуко и по большому счету к диалектике признания Гегеля. Наиболее последовательно этот сюжет развивается в феминистской критике заботы (Noddings 1984; Tronto 1990, 1993; Held 2006). Эта критика концентрируется на принципиальном неравенстве, встроенном в отношения заботы, и пытается справиться с базовым противоречием: тот, кто заботится, обладает властью над получающим заботу, но одновременно заботящийся подчиняет себя нуждам другого, становится зависимым и уязвимым. Забота стремится быть контролирующей, но чрезмерный контроль может привести к разрушению объектов заботы. Донна Харауэй предлагает любопытную концепцию «*staying with the trouble*» как форму заботы вмешательства и невмешательства (Haraway 2016), в которой она предлагает фокусироваться не на решении проблем, а на совместном проживании кризисных ситуаций.

Множество исследователей критикуют заботу как универсальную категорию, противопоставляя ее теориям справедливости, нацеленным на укоренение в институции, и указывают на парадоксы справедливого распределения заботы. В этом случае возникают два полюса: забота без справедливости приравнивается к эксплуатации заботящихся, а справедливость без заботы ведет к абстрактному формализму (Bubeck 1995). Возможен ли вообще непротиворечивый синтез этих понятий, «заботливая теория справедливости»? Даниэль Енгстер предложил такой синтез, но его слабость состоит в том, что эти институции и практики справедливости и заботы разнесены во времени и пространстве, а справедливость тракту-

ется как обеспечение условий для заботы (Engster 2007). Остается острая проблема институционализации заботы, любое соотнесение со справедливостью убивает ее приземленность и спонтанность, а вынесение заботы за пределы институтов может приводить к эксплуатации обеих сторон и к нерегулярности и необязательности, противоречащей аспекту неотложности, включенному в само понятие заботы.

Таким образом, забота оказывается парадоксальным сложным диалектическим понятием, раскрывающим внутренние противоречия человеческого опыта через дихотомии автономия/зависимость, власть/уязвимость и социальные антагонизмы: публичное/приватное, оплачиваемое/неоплачиваемое, мужское/женское. Забота предстает не как статичный феномен или универсальная добродетель, но как процесс непрерывного переговаривания между противоположными требованиями, импульсами и императивами. Это делает ее одновременно философски проблематичной и практически незаменимой.

12

В диалектическом движении заботы или насилия; взаимозависимости или автономии; страдания или блага — мы постоянно сталкиваемся с тем, что Теодор Шанин называл схемой «полюсов, шкалы и маятника» (Шанин 2007, с. 33). Мы постоянно укладываем заботу в схему, где она определяется апофатически, через отрицание автономии, насилия или иерархии и притягивается к одному из противоположных полюсов, попадая в заготовленные эпистемологические слоты. Такой схеме мышления о заботе можно противопоставить эксплоярность, нахождение вне полюсов и маятников, существование на обочинах, воплощение в маргинальных формах. Эксплоярность подсвечивает нелинейность, ускользание от четких описательных рамок, периферийность и лиминальность. В случае с социологией заботы такой практикой может стать создание эксплоярных концептов, описание эксплоярных дискуссий, погружение в эксплоярные поля.

Таким эксплоярным теоретическим жестом можно считать статью-манифест Теодора Шанина «Социальная работа: идеология профессионализма», в которой он одним из первых на русском языке стал размышлять о заботе как труде внутри и за пределами логики институций. Для Шанина социальная работа заботы, с одной стороны, оказывается родом деятельности и социальным феноменом, который раскрывает структуру социальных отношений в их кризисных точках, с другой стороны, профессиональные нормы сами являются критическими в том смысле, что они находятся в напряжении с самим социологическим определением профессии как разделения труда через механизмы монополизации ресурсов и закрытия доступа. Какое материальное благо или ценность создает труд

социального работника, если «сам характер проблем, с которыми он имеет дело, не позволяет предложить однозначных методов их эффективного решения» (Шанин 2004, с. 306)? И это обстоятельство оказывается одинаково неудобным для правых и для левых политически ангажированных социальных теорий.

Еще одним раздражителем для академического социального знания оказывается скептическое отношение идеологов социальной работы к общим теориям человеческой природы и социального поведения, дистанцированием от типичного, на которое ориентируется также и сама социология. «В силу того, что социальным работникам приходится иметь дело с определенным контингентом, они уделяют особое внимание таким сторонам человеческой жизни, которые приводят к психологической неустойчивости, отклонениям от нормы, маргинализации, отсутствию правопорядка и отчуждению» (Шанин 2004, с. 309). В своей статье Шанин также делает свои ставки в современном ему споре об «идеологии профессионализма». Идеология профессионализма проявляется как нечувствительность к вопросам морального, культурного и политического характера — совершенством считается сосредоточенность на профессиональных проблемах. Надевая на себя, как сказал бы Макс Вебер, профессиональные шоры, представители идеологии профессионализма обедняют интеллектуальную жизнь, не делают какого-либо вклада в формирование общественного мнения, усиления позиции интеллектуалов в обществе. На уровне образовательных практик идеология профессионализма оборачивается высокомерным отношением преподавателей к студентам. Шанин отстаивает необходимость профессионализации, используя современный ему аппарат социологии профессий как специфическую систему знаний, практических умений и действий, критериев успеха и этических принципов. Но он переопределяет его особым образом, в этом заключается особый грамшианский момент эпистемологии социального знания Шанина: действовать профессионально — это значит вторгаться в ткань социальной жизни, даже несмотря на сопротивление, как инженер участвовать в его перенастройке, исправлении поломок и неточностей. Связь знания и общественной жизни возникает только через решение практических проблем. В этом шанинском подходе расчищается один из важнейших источников социального знания — социальный амелиоризм (Кастель 2009).

Шанин сетует на отсутствие идейного единства, на основании которого можно было бы продумать единство профессиональной группы как «воображаемого сообщества». В условиях политики «третьего цикла прав человека» он видит разрывы между требованием индивидуализации социальной помощи и работы в «коммунальной среде», необходимостью чувствовать и реагировать

на политическую ситуацию и отказом от участия в прямых политических дебатах, который приводит к неприятию организованной заботы *caring profession* со стороны левых из-за того, что она недостаточно чувствительна к несправедливости социальной жизни, со стороны правых — из-за того, что чересчур чувствительна.

Шанин остро чувствовал эту разобщенность *caring profession* со времени его работы в госпитале реабилитации людей с инвалидностью после войны и дважды попытался справиться с проблемой невозможности самоописания профессионального сообщества социальных работников практически, изобретая новые образовательные программы по подготовке социальных работников. Программа по социальной работе была одной из первых, запущенных в Московской высшей школе социальных и экономических наук, и последней, которая при его активном участии была открыта в Свято-Филаретовском институте. Однако, кажется, после Шанина никто так и не взял на себя труд создания на русском языке высказывания, подходящего для самоописания сообщества профессионалов заботы.

14

Статью Теодора Шанина полезно сопоставить со знаменитым докладом американского педагога и реформатора медицинского образования Абрахама Флекснера «Является ли социальная работа профессией?», который был сделан в 1915 году на Национальной конференции благотворительности и исправительных учреждений в период активной профессионализации социальной работы в США и стал первой систематической попыткой применить критерии профессионализма к социальной работе. Флекснер предлагает собственную концептуальную модель профессионализма, которую считают альтернативой функциональной классической атрибутивной модели, вводящей в качестве обязательных характеристик специальное знание, образование, применение, технику, организацию, альтруизм. Флекснер показывает, что социальная работа как область деятельности сильно проигрывает по двум первым критериям другим типам трудовой занятости в части интеллектуального оснащения: у социальной работы нет собственной систематической теоретической базы, только знания, заимствованные из других дисциплин (медицины, психологии, права). Это обстоятельство является препятствием для формализации образовательного опыта и для подведения научной основы для практик. Зато по другим критериям, предложенным Флекснером: практическое применение, техника, самоорганизация и альтруизм, — социальная работа превосходит другие профессии, поскольку имеет очевидную практическую ориентацию и высокую корпоративную автономию. Флекснер отмечает любопытную деталь, что высокая степень коллективной ассоциации не связана при этом с повышен-

ным градусом коллегиального контроля. Самый спорный атрибут флекснеровской модели профессионализма — ориентация на общее благо, альтруистическая направленность, является самым сильным аспектом социальной работы как области благотворительной деятельности. Интересно, что Шанин пытается систематически разводить благотворительность и социальную работу, отказывается мыслить социальную работу в качестве одного из проявлений благотворительной деятельности, потому что ее основной целью является не одарение благополучателя, не акт помощи сам по себе, а автономизация благополучателя.

Вердикт Флекснера таков: *caring profession* не является полноценной профессией из-за того, что она не производит собственное экспертное знание, слишком зависит от других профессий: врачей, юристов и психологов. «Социальный работник — не столько самостоятельный практик, сколько посредник (*mediator*), который призывает экспертов» (Flexner 1915, p. 578).

И в этой роли «посредника» (*mediating agent*), не независимой профессии, а интеллигентной и ответственной посреднической деятельности, социальный работник диагностирует социальную ситуацию, приглашает соответствующих профессионалов, координирует их работу и следит за выполнением рекомендаций как «дирижер оркестра», где музыканты — другие профессионалы. Вопросы Флекснера: что является специфическим в социальной работе? Каким образом можно стандартизировать практики помощи? И само отрицание статуса профессии привело к парадоксальному ускорению профессионализации: в 1917 году создаются первые профессиональные школы социальной работы, в 1920-м появляется теория *casework* Ричмонд, «работы со случаем», как ее предложил переводить Шанин, в 1955-м — формируется единая Национальная ассоциация социальных работников, в 1960-е — выстраивается система лицензирования и сертификации. В результате к 2026 году социальная работа — признанная профессия с магистерскими программами (MSW), лицензированием (LCSW, LMSW), профессиональными ассоциациями и этическими кодексами. Таким образом, работа Флекснера является важным программным документом, первым звеном в эволюции представлений о профессионализме, оказавшим влияние на социальные контексты определения профессионального статуса, повлиявшим на альтернативные подходы социологии профессий.

Размышления Шанина о профессиональной идентичности социальных работников лежат в русле функциональной теории, которая видит в профессии социальную роль, связанную с исполнением норм и контролем над ресурсами, атрибутивная теория Флекснера видит в профессиональной группе особые характеристики: при-

общение к особому роду знания и профессиональным практикам. Оба эти подхода отказывают социальной работе в профессиональном статусе по разным причинам, однако можно увидеть общий момент, связывающий их размышления. Флекснер и Шанин указывают на продуктивность непрямого описания практик заботы как эксполярных, периферийных, лежащих вонне силовых линий, определенных политическими, дисциплинарными, культурными границами, и указывают на острую нужду в изобретении новых аргументов и ориентиров для сообщества *caring profession*. Как показывает внушительный обзор, который сделали коллеги из НИУ ВШЭ (Якобсон 2024), запрос на такие аргументы силен как никогда, существуют большие проблемы самоописания у профессионалов этой области занятости: особенно в Российской Федерации специалисты помогающих профессий избегают того, чтобы называть себя социальными работниками, указывая на третий сектор, благотворительность в целом, заботу как социальную практику, но, опять же, нет точности и удовлетворенности использованием также и этих понятий. Поэтому кажется важным появление теоретических и эмпирических исследований, которые стали бы проводником и ориентиром в новых социальных обстоятельствах.

16

В этом номере мы хотим провести первую репетицию такой эксполярной социологии заботы, которая не занята бесконечным комментированием классических текстов или разыгрыванием одних и тех же теоретических ходов, а направлена на расчерчивание новых путей, проходящих вне крайностей и нарушающих логическую форму «либо-либо» (Шанин 2007, с. 33).

Статья «Селективный взгляд: Политика заботы в специализированных интернатах» Анны Алтуховой основана на наблюдениях и интервью в школе-интернате для детей с «легкой умственной отсталостью» (термин, используемый в самой школе на момент исследования). В тексте мы знакомимся с работницами школы-интерната, которые отбирали и отсеивали «проблемных» детей, мешающих остальным. Анна Алтухова называет эти процессы исключением и селекцией, которые сотрудницы интерната считали заботой об обществе и его защитой от ненужных или даже угрожающих элементов. Акты сегрегации сначала трактовались как спасение детей от неблагополучных семей, а затем внутри интернатов сегрегация позволяла отсеивать детей, мешающих образовательному процессу коллектива. Помещаемые во все более тяжелые условия, эти дети описывались сотрудницами как неуправляемые и бесперспективные, не поддающиеся перевоспитанию и лишенные будущего. Как указывает исследовательница, забота в этом случае становилась «пространством институционального вмешательства и контроля, политической интервенции и регулирования».

Александра Ченцова и Дмитрий Рогозин в статье «Зачем нужна немощь, или Осмысленная жизнь с ограниченными возможностями» предлагают новый взгляд на понятие «немощь». Они критикуют трактовки немощи как упадка и границы, за которой полноценная жизнь становится невозможной, концептуализируя немощь как изоморфную жизни — такую же хрупкую и вскрывающую нашу общечеловеческую уязвимость и взаимозависимость. На основании более 200 интервью с участниками системы долговременного ухода они демонстрируют, как в нарративах сочетается страх перед потерей полного контроля над своей жизнью и готовность помогать другим. Почему люди, готовые помогать друг другу, в то же время боятся стать обузой? Почему на практике подтверждая невозможность автономной и независимой от других жизни, люди говорят, что не готовы к ситуации, где им самим потребуется уход? Стигматизация немощи, отсутствие языка для разговора о ней, несовершенства системы долговременного ухода — это лишь несколько причин, которые авторы выявляют в своем исследовании.

В статье «Возможна ли “заботящаяся маскулинность”: перспективы и границы теоретической концепции Карлы Эллиотт» Елена Рождественская и Ольга Симонова осмысливают альтернативные представления о маскулинности с опорой на феминистские исследования заботы, в частности, концепцию «заботящейся маскулинности» Карлы Эллиотт. Какие трансформации происходят с гегемонной маскулинностью? Каким образом могут сочетаться практики заботы, осуществляемые мужчинами, и нормативные маскулинные идеалы? Возможна ли модель маскулинности, проблематизирующая сложившиеся гендерные иерархии и распределение власти? Как этика заботы, с ее императивами реципрокности и коллективности, сочетается с неолиберальными императивами автономии и индивидуализма?

В статье «Мы никогда не были дома», отсылающей к известной работе Бруно Латура «We have never been modern», Максим Мальков показывает проблематичность существующих концептуализаций «дома» в контексте дискуссий о бездомности и миграции. Что значит обрести, вернуть или переустроить дом? Можно ли редуцировать дом к физическому пространству, воспоминаниям, мечтам, ритуалам, способам обживать пространство, представлениям об уюте и безопасности? В статье различные концептуализации дома размещаются на двух линейных континуумах: потеря-обретение и опустошение-наполнение, и намечаются контуры понятия «вне-домности», которое могло бы стать альтернативой существующих трактовок дома.

Ната Волкова в статье «Письмо и ритуал: лирическая социология Эбботта и ускользящий метод Ло» рассуждает об этических и эм-

пирических проблемах, связанных с работой с чувствительными темами в социологии, на примере пилотного исследования корейской диаспоры в Алматы (Казахстан). Что такое «слабые» описания и «сильные» нарративы? Как разговор об этничности может стать из открытого для обсуждения предмета чувствительной темой? На материалах глубинных интервью демонстрируется, как собеседники описывают традиционные ритуалы и их роль в повседневной жизни, и какие особенности функционирования этничности делает видимым «слабое» описание.

В статье «Архитектурное пространство в философии Д. Агамбена: между заботой и использованием» Любовь Яковлева осмысляет теоретические ресурсы философских понятий Джорджо Агамбена в контексте исследований архитектуры и городских пространств. На основании текстов М. Хайдеггера, К. Боано и М. Фуко в тексте анализируется биополитическое измерение архитектуры и прослеживаются особенности необитаемых пространств, функционирующих в логике «включающего исключения».

18

В статье «Ранние работы Рене Фокс: связь заботы и неопределенности в медицинских практиках» Кирилл Яковлев привлекает внимание к текстам исследовательницы Рене Фокс, работающей в русле функционалистской социологии. В центре статьи — анализ монографии Рене Фокс «Experiment Perilous» (1959), основанной на этнографии метаболического отделения больницы, в котором на тот момент проводились клинические исследования препаратов. Двухлетнее включенное наблюдение в больнице позволило Фокс выявить парадокс, с которым приходилось иметь дело врачам. С одной стороны, им было необходимо заботиться о пациентах «здесь и сейчас», с другой — проводить экспериментальное исследование препаратов, которые потенциально могли бы спасти жизни будущих пациентов. Реконструируя логику работы исследовательницы, Кирилл Яковлев помещает ее работу в более широкий теоретический контекст, демонстрируя не только связи ее текста с идеями Толкотта Парсонса и Роберта Мертона, но и показывая, что идеи Фокс предвосхищают дискуссии в направлении STS (Science and Technology Studies).

Александра Дударенко в тексте «Философия девочки» рецензирует книгу Оксаны Тимофеевой «Мальчики, вы звери». В работе осмысляется запуск механизма насилия и ставится вопрос: как дети усваивают гендерные нормы, становясь теми, «кто бьет» и «кого бьют»? Рефлексия текста Оксаны Тимофеевой в рецензии сочетается с привлечением теоретических ресурсов Никласа Лумана, Джудит Батлер, Эммануэля Левинаса и Кэрл Дж. Адамс. В работе очерчиваются перспективы философской модели, в основу которой могут быть положены практики, противостоящие насилию: кол-

лективные действия, дружба, веганство как отказ от умерщвления животных.

В рецензии Ильи Смирнова «Цифровое здоровье без медицинских приложений» на книгу «An Anthropological Approach to mHealth» под редакцией Шарлотты Хокинс, Патрика Авондо и Дэниела Миллера анализируются медицинские и общественные практики поддержания здоровья с использованием мобильных технологий в разных странах мира. Один из центральных сюжетов книги — сравнение «top-down» инициатив с подходами «smart-from-below», где в первых использование технологии насаждается сверху, а во вторых — прорастает из низовых практик.

Мы надеемся, что набросок эксплоярной логики заботы откроет перед социальной теорией пространство, где забота перестанет быть лишь морализаторским императивом или институциональной процедурой, превращаясь в онтологический горизонт самой возможности со-бытия. В этой оптике забота предстает не как движение от одного полюса к другому — от заботящегося к тому, о ком заботятся, — но как сложное соцветие взаимопроникающих практик, где границы между субъектом и объектом заботы становятся проницаемыми, подвижными, постоянно переопределяемыми. Выход за пределы бинарных оппозиций позволяет увидеть заботу как ткань самой социальности, где каждый жест внимания и каждый акт поддержки вплетены в многомерную сеть зависимостей, уязвимостей и взаимных обязательств, связывающих не только людей между собой, но и человека с нечеловеческими акторами, экосистемами, будущими поколениями.

19

Репетиция эксплоярности заботы приводит нас к вопросу о том, что значит быть вместе в хрупкое время неопределенности. Забота здесь оказывается не утешительным ответом, но открытым вопросом, приглашением к переосмыслению самих оснований социального. Она напоминает нам, что в мире, где традиционные координаты солидарности размываются, а привычные формы социальной связи требуют радикального переизобретения, именно в неочевидных, асимметричных, порой парадоксальных конфигурациях заботы может скрываться путь к новым формам общности — более чутким, способным вместить всю сложность человеческого и более-чем-человеческого опыта совместного существования.

Список источников / References

Бороздина Е. А. (2016) Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4), pp. 479–492. EDN: XH-FLUD.

— Borozdina E. A. (2016) Care in childbirth services: Benefits and costs for professionals. *Journal of Social Policy Studies*, 14(4), pp. 479–492. (in Russ.)

Бороздина Е. А. (2017) Логика оказания медицинской помощи и телесное измерение доверия в медицинских взаимодействиях. *Социология власти*, 29(3), pp. 82–102. EDN: YTPUIZ. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-3-82-102>

— Borozdina E. A. (2017) Logics of medical care provision and the bodily dimension of trust in medical interactions. *Sociology of Power*, 29(3), pp. 82–102. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-3-82-102> (in Russ.)

Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (2019) Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования. В: *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства*, pp. 6–23. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: LTXYZX.

— Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (2019) Care in the post-Soviet space between paternalism and neoliberalism: Feminist studies. In: *Critical sociology of care: Crossroads of social inequality*, pp. 6–23. St Petersburg: European University at St Petersburg Press. (in Russ.)

Кастель Р. (2009) *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда*. СПб.: Алетейя.

— Castel R. (2009) *The Metamorphoses of the Social Question: A Chronicle of Wage Labor*. Saint Petersburg: Aletheia. (in Russ.)

20

Клюге А. (2024) *Я должен миру мертвеца. Беседы с Хайнером Мюллером*. Пер. с нем. Н. Бакши. М.: Des Esseintes Press.

— Kluge A. (2024) *I owe the world a dead man: Conversations with Heiner Müller*. Translated from German by N. Bakshi. Moscow: Des Esseintes Press. (in Russ.)

Лехциер В. Л. (2019) Логика заботы versus логики выбора в современных концепциях медицинской практики. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, (20), pp. 36–53. EDN: CSOFJM. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.2>

— Lekhtsier V. L. (2019) The logic of care versus the logic of choice in contemporary concepts of medical practice. *Interaction. Interview. Interpretation*, (20), pp. 36–53. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.2> (in Russ.)

Ожиганова А. А. и др. (2018) Выбор и/или забота? *Медицинская антропология и биоэтика*, (1), pp. 5–15. EDN: YORJFJ.

— Ozhiganova A. A. et al. (2018) Choice and/or care? *Medical Anthropology and Bioethics*, (1), pp. 5–15. (in Russ.)

Ортнер Ш. (2022) Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов. *Логос*, 32(2/147), pp. 1–42. EDN: ZOMBQI. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-2-1-41>

— Ortner S. (2022) Dark anthropology and its others: The fate of theory after the 1980s. *Logos*, 32(2/147), pp. 1–42. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-2-1-41> (in Russ.)

Старцев С. В., Рождественская Е. Ю. (2022) Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2), pp. 96–126. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.5>

- Startsev S. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2022) Turning to alternative medicine: A crisis of trust in doctor-oncology patient communication. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(2), pp. 96–126. (in Russ.)
- Темкина А. А. (2016) Оплачиваемая забота и безопасность: что продается и покупается в родильных домах? *Социология власти*, 28(1), pp. 76–106. EDN: VVНОКВ.
- Temkina A. A. (2016) Paid care and safety: What is sold and bought in maternity hospitals? *Sociology of Power*, 28(1), pp. 76–106. (in Russ.)
- Холявин А. (2020) «Пирожки для бабушки»: критический взгляд на проектное мышление НКО. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3), pp. 461–474. EDN: DHKKYZ. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-461-474>
- Kholyavin A. (2020) “Pies for grandma”: A critical view of project-based thinking in NGOs. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(3), pp. 461–474. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-461-474> (in Russ.)
- Шанин Т. (2004) Социальная работа: идеология профессионализма. *Журнал исследований социальной политики*, 2(3), pp. 303–328. EDN: HFVAGT.
- Shanin T. (2004) Social Work: The Ideology of Professionalism. *The Journal of Social Policy Studies*, 2(3), pp. 303–328. (in Russ.)
- Шанин Т. (2007) Эксплоярные экономики и политэкономия обочин: формы хозяйства вне систем. М.
- Shanin T. (2007) *Expolar economies and the political economy of the margins: Forms of economy outside systems*. Moscow. (in Russ.)
- Ярская-Смирнова Е. Р., Бодрова О. А. (2021) Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1), pp. 45–78. EDN: RAEZKS. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3>
- Yarskaya-Smirnova E. R., Bodrova O. A. (2021) Models of legitimizing non-profit organizations as providers of social services. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24(1), pp. 45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> (in Russ.)
- Якобсон Л. И. (2024) *Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
- Yakobson L. I. (2024) *Citizen Self-Organization, Philanthropy, and the Third Sector: Theories, History, and Contemporary Trends*. National Research University Higher School of Economics. (in Russ.)
- Bubeck E. D. (1995) *Care, Gender and Justice*. Oxford: Clarendon Press.
- Chatzidakis A., Hakim J., Littler J., Rottenberg C., Segal L. (2020) *The care manifesto: The politics of interdependence*. London: Verso.
- England P. (2005) Emerging theories of care as work. *Annual Review of Sociology*, 31, pp. 381–399. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.31.041304.122317>
- Engster D. (2007) *The Heart of Justice: Care Ethics and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press.

- Flexner A. (1915) Is social work a profession? In: *Proceedings of the national conference of charities and corrections 1915*. Baltimore, MD, 12-19 May, pp. 576-590. Chicago, IL: Hildmann.
- Graham H. (1991) The concept of caring in feminist research: The case of domestic service. *Sociology*, 25(1), pp. 61-78. <https://doi.org/10.1177/0038038591025001004>
- Haraway D. (2016) *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, NC: Duke University Press.
- Held V. (2006) *The ethics of care: Personal, political, and global*. New York: Oxford University Press.
- Krause M. (2014) *The good project: Humanitarian relief NGOs and the fragmentation of reason*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mol A. (2008) *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. London: Routledge.
- Mol A. (2021) *Eating in theory*. Durham, NC: Duke University Press.
- Mol A., Moser I., Pols J. (2010) Care: Putting practice into theory. In: *Care in practice: On tinkering in clinics, homes and farms*, pp. 7-27. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Noddings N. (1984) *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Robbins J. (2013) Beyond the suffering subject: Toward an anthropology of the good. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 19(3), pp. 447-462. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12044>
- 22
- Thomas C. (1993) De-constructing concepts of care. *Sociology*, 27(4), pp. 649-669. <https://doi.org/10.1177/0038038593027004006>
- Tronto J. C., Fisher B. (1990) Toward a feminist theory of caring. In: Abel, E., Nelson, M. (eds.) *Circles of Care*. Albany, NY: SUNY Press, pp. 36-54.
- Tronto J. (1993) *Moral boundaries: A political argument for an ethic of care*. New York: Routledge.
- Ungerson C. (1995) Gender, cash and informal care: European perspectives and dilemmas. *Social Politics*, 2(1), pp. 31-52. <https://doi.org/10.1017/S004727940002451X>

Об авторах / About the authors

Дуденкова Ирина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук, Москва. Научные интересы: философская антропология, трансцендентальная теория опыта, социология заботы, социология религии, социология детства. <https://orcid.org/0009-0000-1763-1843>. E-mail: irinafiled@gmail.com

Irina V. Dudenkova — Associate Professor (Docent), Faculty of Liberal Arts, Department of Theoretical Sociology and Epistemology, Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences of The Russian Presidential Academy of National,

Dean of the Faculty of Social Sciences, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow. Research interests: philosophical anthropology, transcendental theory of experience, sociology of care, sociology of religion, sociology of childhood.
<https://orcid.org/0009-0000-1763-1843>. E-mail: irinafld@gmail.com

Мальков Максим Дмитриевич — MA in Sociology, приглашенный преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, Москва. Научные интересы: социальная теория, социология заботы, исследования бездомности, акторно-сетевая теория, социальная политика, гендерные исследования, социология социологии.
<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>. E-mail: mmalkov@hse.ru

Maksim D. Malkov — MA in Sociology, guest lecturer at the National Research University Higher School of Economics, postgraduate Student, research intern at the International Laboratory for Social Integration Research of the National Research University Higher School of Economics, lecturer at MSSSES (Moscow Higher School of Social and Economic Sciences), Moscow. Research interests: social theory, sociology of care, homelessness studies, actor-network theory, social policy, gender studies, sociology of sociology.
<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>. E-mail: mmalkov@hse.ru